

Институт российской истории  
Российской академии наук

О. Г. АГЕЕВА

ИМПЕРАТОРСКИЙ  
ДВОР РОССИИ  
ЭПОХИ ПАВЛА I

УДК 94(47)"1796/1801":394.012  
ББК 63.3(2)47  
А23

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства  
по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной  
целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Утверждено к печати Ученым советом  
Института российской истории РАН

Рецензенты:

д. и. н. Аксенов А. И., главный научный сотрудник ИРИ РАН  
д. и. н. Демкин А. В., ведущий научный сотрудник ИРИ РАН

**Агеева О. Г.**  
А23 Императорский двор России эпохи Павла I. — М.: Фонд «Связь Эпох», 2018. —  
440 с.: 8 л. ил.  
ISBN 978-5-9907285-6-1

Монография посвящена истории императорского двора России в период правления одного из самых противоречивых монархов — Павла I. Продержавшись на троне чуть более четырех лет, сын Екатерины Великой успел провести ряд преобразований, одним из которых была реформа императорского двора. Книга представляет собой первое исследование нового штата двора, принятого в 1796 г., истории его введения в жизнь, учреждения нового финансирования императорской фамилии, а также обзор персонального состава придворных чинов, кавалеров и дам. В книге всесторонне освещена официальная придворная жизнь павловского времени, что позволило выявить ее стремительную эволюцию, показать особенности вкусов императора и стиля его общения с русской элитой, собиравшейся в стенах императорских резиденций.

УДК 94(47)"1796/1801":394.012  
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9907285-6-1  
Тираж 1000 экз.

© Агеева О. Г., текст, 2018  
© Фонд «Связь Эпох», макет,  
издание, 2018

## Оглавление

Введение .....	9
<b>Глава I. Императорская фамилия</b>	
Состав правящего дома России в конце XVIII — начале XIX века .....	14
Романовы. Междинастические связи	
Новое законодательство императорского дома ...	19
Акт о престолонаследии.	
Учреждение об императорской фамилии.	
Новшества титулатуры и геральдики дома Романовых	
<b>Глава II. Образ жизни императорского дома</b>	
Павел и дворцовое пространство .....	34
Петербургское окружение. Система императорских дворцов. Внутреннее пространство Зимнего дворца.	
Михайловский замок. Петербургские дворцы: Таврический, Мраморный, Каменноостровский. Загородные резиденции. Дворцы членов правящего дома. Московские дворцы. Порядок смены резиденций	
Высочайшие особы в делах и повседневной жизни .....	66
Распорядок дня Павла I. Повседневные занятия высочайшей фамилии	

<b>Глава III. Павловская реформа дворцового ведомства</b>	
Первые месяцы правления . . . . .	86
Законотворчество Павла I и екатерининский двор конца XVIII века. 1796 год: первые кадровые изменения. Увольнение лиц двора Екатерины II	
Штат двора 1796 года . . . . .	95
Принятие нового штата. Большой двор по штату 1796 года. Штаты малых дворов. «Экономный» штат 1796 года и его задачи	
Павловский штат в жизни . . . . .	121
Придворная контора после реформы. Ведения, команды и чины после введения штата в жизнь	
Малые дворы . . . . .	143
Система малых дворов и новое законодательство. Формирование малых дворов совершеннолетних Романовых по новому штату. Двор Александра Павловича и Елизаветы Алексеевны. Штат двора великой княжны Александры Павловны. Детские дворы	
Кабинет его императорского величества . . . . .	155
Новая система финансирования двора.	
Департамент уделов . . . . .	159
Первые указы 1796 года. Установление выплат по Учреждению об императорской фамилии. Департамент уделов. Уделы	
<b>Глава IV. Высшие придворные чины</b>	
Придворные кавалеры . . . . .	170
Понятия «главные чины», «придворные кавалеры и дамы». Обер-гофмаршал и гофмаршал. Обер-камергер. Обер-шенк. Обер-гофмейстер и гофмейстер.	

Обер-шталмейстер и шталмейстер. Обер-егермейстер и егермейстер. Обер-церемониймейстер и церемониймейстер. Директор императорских театров. Камергеры и камер-юнкеры	
Высшие дамские чины . . . . .	187
Первые чины малых дворов . . . . .	190
Главы Кабинета его императорского величества . . . . .	193
Высшие чины Департамента уделов . . . . .	195

<b>Глава V. Придворная служба</b>	
Состав команд и кадровая политика . . . . .	199
Правила службы . . . . .	212
Поступление на службу. Материальное обеспечение, награды, отпуска. Поощрения и наказания. Увольнение	

<b>Глава VI. Светлые и печальные торжества дома Романовых</b>	
Протокольная придворная жизнь . . . . .	222
Служба придворного человека. Придворное общение	
Коронация Павла I . . . . .	226
Церемониал. Время торжеств. Церемониальная сторона празднества	
Высочайшие бракосочетания . . . . .	242
Правила браков Романовых. Обручение великих княжон. Бракосочетания Александры Павловны и Елены Павловны	
Крещение детей императорского дома . . . . .	256
Рождение великого князя Михаила Павловича. Рождение великой княжны Марии Александровны	
Печальные церемонии . . . . .	265
Погребение Екатерины II и Петра III. Погребение великой княжны Марии Александровны. Траур и поминальные обряды	

<b>Глава VII. Павел I и метаморфозы официальной жизни</b>	
Император настроений . . . . .	287
Табельные светские праздники . . . . .	290
Ежегодные царские праздники.	
Праздники русских орденов.	
Мальтийские ежегодные торжества.	
Орденские праздники в 1800 году	
Веселье по протоколу. . . . .	306
Традиционная система регулярных увеселений. Куртаги. Балы.	
Маскарады. Концерты. Театр	
События придворной жизни: крещения, свадьбы, представления, приемы . . . . .	320
Высочайшее восприемничество при крещении младенцев.	
Придворные свадьбы.	
Представления. Приемы	
Торжества рыцаря на троне . . . . .	334
Церемонии строительства Михайловского замка. Празднества и церемонии кампании 1799 года.	
Церемонии Мальтийского ордена	
Европейская элита при петербургском дворе . . .	352
В гостях у императорского дома.	
Жизнь и смерть короля Станислава I Августа	
Религиозная жизнь двора . . . . .	356
Табельные православные праздники.	
Новшества в обрядах, постах, пантеоне святых и праздничном календаре.	
Высочайшие поездки в монастыри.	
Почитание мальтийских святынь.	
Духовенство при императорском дворе	
Заключение . . . . .	374
Примечания. . . . .	384
Именной указатель . . . . .	424
Список сокращений . . . . .	439

## Введение

Краткое правление императора Павла I, пришедшееся на ноябрь 1796 — март 1801 г., стало особым периодом в истории императорского двора России. Подобно тому, как проводились реформы государственных учреждений, армии, административно-территориального устройства страны, преобразованию подвергся и императорский двор. Однако в исторической литературе эта сторона государственной деятельности Павла I освещена недостаточно. Пробел в определенной степени восполняют сведения о создании одного из дворцовых учреждений — Департамента уделов<sup>1</sup>, а также о некоторых событиях и мероприятиях придворной жизни, например, возведении Михайловского замка или мальтийских торжествах. При этом даже беглого взгляда достаточно, чтобы сказать, что изменения в структуре двора и в его официальной жизни были значительны и что колоссальное влияние на них оказала личность самого правителя. «Каков поп, таков и приход», — гласит пословица. Эта народная мудрость справедлива и для придворной политики, ибо здесь, в стенах дворца, глава государства, и он же глава придворного общества и императорского дома, мог свободно проводить любые эксперименты, меняя по своей прихоти ближайшее окружение, его быт и образ жизни.

К моменту вступления на престол сына Екатерины Великой русский двор имел уже давно сформированные на европейский манер структуру и церемониальные формы жизни. В целом они позволяли успешно справляться с главным предназначением двора — созданием благоприятной среды для государственной деятельности и жизни правителя Российской империи и обеспечением его общения с чиновной элитой страны. В то же время петербургский двор рассматриваемого периода нес в себе не только достижения предшествующего столетия, но и накопившиеся проблемы, не решенные при Елизавете Петровне, Петре III и Екатерине Великой. С середины века двор имел

хронические финансовые трудности и неудобную, тяжелую в управлении структуру, включающую несколько самостоятельных ведомств. В силу этого к концу XVIII в. он стоял на пороге решительных изменений. И хотя последовали они только четверть века спустя, когда Николай I в 1826 г. создал Министерство императорского двора, многое из того, что делал Павел, являлось реакцией на эти проблемы. Отсюда задача — выявить и показать, как в ходе преобразований Павел пытался решить старые наболевшие вопросы и каким был итог его действий. Из всего многообразия тем для рассмотрения были выбраны ключевые сюжеты, которые не нашли должного освещения в литературе или, обладая хорошей архивной базой, не изучались вовсе.

Открывает изучение павловских придворных новаций рассмотрение состояния императорского дома Романовых на рубеже XVIII–XIX вв., ознаменовавшегося введением Павлом нового законодательства об императорской фамилии, а также ее образа жизни и дворцовой среды.

Что касается организации двора, то исключительно важным представлялось описать павловское законодательство по изменению структуры императорского двора и, прежде всего, придворный штат 1796 г., являвшийся ключевым нормативным документом, установившим новое соотношение подразделений двора, новую лестницу чинов и служителей двора, их численность и оклады. Другой не менее важный вопрос, связанный с дворцовым штатом, — его реализация на практике, а значит, выявление того, как и когда преобразовывался двор в соответствии с утвержденным монархом документом и как менялся в дальнейшем. Выяснение этого позволит оценить эффективность задуманных сыном Екатерины Великой реформ, степень адекватности предпринятых императором действий решению проблем реальной жизни. При этом имеет значение и рассмотрение состояния дворцовых учреждений, не затронутых штатом 1796 г.: это Императорский кабинет и созданное Павлом Удельное ведомство. Наконец, дополняет характеристику двора обзор биографических данных его первых лиц, а также исследование условий придворной службы, в том числе социальной поддержки чинов и служителей.

Последний блок тем по реформированию двора посвящен политике Павла I относительно официальной придворной жизни и включает две главы. В первой скрупулезно описываются главные семейно-государственные торжества и печальные мероприятия дома Романовых — павловская коронация 1797 г., свадьбы дочерей императора, рождение высочайших детей, печальные торжества 1796 г. и правила ношения траура.

Во второй главе рассматривается целая серия разнообразных торжественных событий официальной жизни двора, которые объединяет только то, что все они были обставлены церемониями и этикетными правилами. Это — система ежегодных праздников, регулярные увеселения двора, разовые торже-

ства, показывающие пристрастия Павла к строительству нового Михайловского замка и Мальтийскому ордену, правила приема высоких гостей, аудиенций и представлений, а также православная религиозность двора.

При изучении этих тем ставились задачи показать роль Павла в корректировке протокольной жизни двора, его обращение с церемониальным наследием предшественников на троне и затронуть социально-психологическую подоплеку использования той или иной формы собраний.

При рассмотрении истории двора, разумеется, необходимо остановиться на определениях и терминах той эпохи. Определение двора тяготеет к двум ипостасям, или вариантам, в которых отражаются две его функции. Двор — это, во-первых, собрание лиц, посещающих императорский дворец для контактов с правящей фамилией и представляющих общество, которым монарх правит. Во-вторых, двор — это структуры дворцового ведомства и служащие в нем люди, являвшиеся в периоды монархической власти обязательным звеном в организации государственного аппарата.

Термины «двор», «придворные служители», «придворный штат» в исторической литературе имеют разнообразное смысловое значение<sup>2</sup>. На наш взгляд, понятие «двор» можно охарактеризовать следующим образом. Двор — это один из социальных институтов, соответствующий монархической форме правления, выполняющий ряд общественно значимых функций государственного и частного характера — политических, экономических, представительских, управленческих и иных, связанных с государственной деятельностью и жизнью персоны монарха; представляющие данный институт лица относятся к верхушке социальной лестницы государства и общества, имеют в связи с пребыванием при дворе закрепленные служебные обязанности, формы общения, времяпрепровождения и быта. В XVIII в., как и ранее, слово «двор» являлось синонимом правительства страны и ее государственного аппарата, хотя в это время шел процесс отделения двора государей от государства, характеризующийся разделением финансов и отделением придворных чинов от военных и статских. Кроме этого, в источниках рубежа XVIII–XIX вв. двором называли не только всю совокупность чинов придворных учреждений, но и одну из структур, подчиненную обер-гофмаршалу — Придворную контору, а также большой двор, рядом с которым были малые дворы наследника, дочерей императора и др. Все это будет учитываться в работе.

С точки зрения относящихся к двору лиц, понятие «двор» в широком смысле подразумевало «придворное общество», всех тех, кто был обязан по своему положению в обществе присутствовать на придворных мероприятиях, разумеется, включая высших чинов, которые имели «вход за кавалергарды» и являлись к императору в служебных целях. В другом, более узком смысле двор составляли чины и служащие придворного ведомства, входившие в «дом» его

величества. Из числа последних будет уделено внимание прежде всего чинам, служившим в центральных ведомствах двора, например, в Придворной конторе. Что касается термина «половина», то в правление Павла I первой половиной именовался двор Павла I и Марии Федоровны, второй — двор цесаревича Александра (будущего Александра I), а третьей — общий детский двор.

Основой исследования стали архивные документы, не введенные в научный оборот. Они были извлечены из фондов Российского государственного исторического архива (Ф. 466, 468, 469, 473 и др.) и Российского государственного архива древних актов (Ф. 2, 14, 248, 381, 1239 и др.). При этом привлекались документы из фондов Сената, Придворной конторы, Церемониальной части, Департамента уделов и других. Дела этих фондов содержат подборки высочайших указов по двору, нормативные и делопроизводственные документы Придворной конторы, Придворной конюшенной конторы, Обер-егермейстерского ведомства, Императорского кабинета и удельного ведомства, в том числе списки подразделений двора, переписку их глав и другие. Особой ценностью отличаются журналы Церемониальной части, документы церемониальных комиссий по подготовке празднеств и погребений Романовых, мальтийских и прочих торжеств. В настоящее время в научный оборот введена только незначительная часть содержащегося в них обширного фактического материала.

Разумеется, при написании работы были использованы печатные издания XVIII — начала XIX вв., например, «Придворные месяцесловы» на 1798 и 1799 гг. (СПб., [1797], 1897; [1798], 1898), «Месяцеслов... на лето от Рождества Христова 1796» (СПб., [1795]), описание коронации Павла I (Чин действия, каким образом совершилось всевысочайшее е. и. в. коронование. По церковному чиноположению. [б. м.], 1797) и др. Также привлекались следующие публикации: «Полное собрание законов Российской империи» (Собр. 1-е. Т. 24–26; Т. 44. Ч. 2. СПб., 1830), приказы при пароле («Копии с высочайших его императорского величества приказов, отданных при пароле... 1796 года. СПб., 1797; 2012), «Камер-фурьерские журналы» за 1796–1801 гг. (СПб., 1896–1901).

Заметить необычные детали придворной жизни, увидеть характеры и поведение монарха и известных лиц позволили письма, дневники и воспоминания, вышедшие из-под пера В. Н. Головиной, А. Т. Болотова, А. Чарторыйского, Ф. Г. Головкина, Е. Ф. Комаровского, И. М. Долгорукова, Николая I, А. С. Шишкова, С. А. Понятовского, Ф. П. Лубяновского, К. Г. Гейкинга, С. Богуша Сестренцевича и других мемуаристов.

Что касается историографии вопросов, то продолжают сохранять значение дореволюционные работы, которые посвящены двору и окружению монархов, — труды Н. Е. Волкова, П. Ф. Карабанова, В. В. Квадри, статьи «Русского биографического словаря», работы Д. Н. Бантыш-Каменского, великого князя

Николая Михайловича Романова, впервые изданный недавно «Словарь русских сенаторов» Н. А. Мурзанова<sup>3</sup> и др. Ценную информацию содержат капитальные биографические издания, например, Н. К. Шильдера, Е. С. Шумигорского, книга М. В. Клочкова, представляющая самое серьезное исследование реформаторской деятельности Павла I<sup>4</sup>, работы по истории Императорского кабинета и Департамента уделов<sup>5</sup> и др.

Среди научной литературы последнего времени необходимо отметить информативные работы по истории организации двора, императорской фамилии, чинов и службы И. И. Несмеяновой, А. М. Пескова, А. М. Даниловой, А. В. Манько, В. И. Федорченко и других авторов<sup>6</sup>. Внимания заслуживают посвященные Павлу I материалы альбомов выставок<sup>7</sup>. Достаточно большой объем литературы имеется по истории императорских дворцов<sup>8</sup> и придворных церемониалов. Среди последних следует упомянуть труды Н. А. Огарковой, С. А. Амелёхиной, серию работ А. В. Скоробогатова, труд Р. С. Уортмана, юбилейный каталог «Венчания на царство и коронации в Московском Кремле»<sup>9</sup> и др. Наконец, исключительную популярность обрели исследования по истории Мальтийского ордена в России<sup>10</sup>.

# Глава I. Императорская фамилия

## Состав правящего дома России в конце XVIII — начале XIX века

РОМАНОВЫ. 6 ноября 1796 г. в России сменилась власть. После 36 часов пребывания в беспмятстве в 9 часов 45 минут вечера скончалась императрица Екатерина II. На престол вступил ее единственный законный сын Павел. По существующему законодательству о престолонаследии правящая императрица могла назначить преемником любого члена своей семьи, однако обществу было известно, что еще 26 декабря 1762 г. наследником был объявлен Павел и иного назначения преемника не было. В свете, правда, говорили, что императрица собиралась обойти неспособного к правлению цесаревича в пользу любимого внука Александра, что 1 января 1797 г. якобы предполагалось обнародовать манифест о новом наследнике и что хранителем ее воли был назначен первый секретарь граф А. А. Безбородко. Однако новое завещание, если таковое имелось, публично оглашено не было (по одной из версий, завещание существовало и было зачитано на Государственном совете, который, однако, высказался в пользу Павла<sup>1</sup>). Поэтому восшествие на престол Павла никто не оспорил, и высшие государственные чины, включая двор и военных, прибыв в связи с ударом императрицы во дворец, безотлагательно начали приносить присягу цесаревичу. Что же касается современников, то они отметили мирный характер смены власти, что восшествие «на престол законного наследника» прошло без «оспаривания», «не обагрено было ни кровью, ни ознаменовано жестокостью, и произошло мирно, тихо с сохранением всего народного спокойствия»<sup>2</sup>. Так или иначе, но в ноябре 1796 г. без «помешательства» и смуты во главе страны оказался прямой наследник, цесаревич Павел Петрович, а теперь император Павел I.

Абсолютная монархия, а именно такой вид власти имел место в России рубежа XVIII–XIX вв., обусловила особое положение в русском обществе монарха и всего правящего дома. К ноябрю 1796 г. августейшая фамилия Романовых занимала русский трон без малого двести лет. Новый император Павел I Петрович (1754–1801) был представителем 6-го поколения Романовых, считая с первого царя Михаила Федоровича (1596–1645), и являлся правнуком Петра Великого (1672–1725). Во главе Русского государства он находился четыре года и четыре месяца, с 6 ноября 1796 г. по 11 марта 1801 г.

В момент вступления Павла I на престол царственная семья состояла из двух поколений и насчитывала 12 человек. Старшее представлял сам император 42 лет от роду и его 37-летняя супруга-императрица Мария Федоровна (1759–1828). Младшее — трое их сыновей и пять дочерей.

Сыновья — это 18-летний великий князь Александр Павлович (1777–1825), ставший теперь наследником с титулом цесаревича, 17-летний великий князь Константин Павлович (1779–1831) и еще младенец Николай Павлович (1796–1855). Дочери — великие княжны юные Александра (1783–1801), Елена (1784–1803), Мария (1786–1859), Екатерина (1788–1818) и полутораговая Анна Павловна (1795–1865). Еще одна, шестая дочь императорской четы Ольга Павловна (1792–1795), родившаяся в правление Екатерины II, умерла в младенчестве. К ноябрю 1796 г. старшие сыновья Александр и Константин Павловичи, несмотря на молодость, были женаты. Их супруги, немецкие принцессы, в православии приняли имена Елизаветы Алексеевны (1779–1826) и Анны Федоровны (1781–1860). В период пребывания на троне у правящей четы родился младший сын Михаил (1798–1849), и на короткий период появилось третье поколение августейшей фамилии — внучка императора великая княжна Мария Александровна (1799–1800), родившаяся в семье цесаревича и скончавшаяся в младенчестве.

Вопрос многочисленности и наличия детей был крайне важен для правящего дома, так как именно это обеспечивало возможные «запасные» кандидатуры на престол. Ведь одной из ключевых общественно значимых функций высочайшей семьи как государственного института было воспроизводство нового главы государства, что обеспечивало стабильность, непрерывность пребывания фамилии на троне, а значит, и социальное спокойствие в стране.

В этом плане в правление Павла I Романовы были благополучны относительно практически всего XVIII в., ибо в уходящем столетии не раз бывали тревожные для царской фамилии периоды. В эти периоды,



при отсутствии наследников мужского пола, претендовать на престол могли только дамы или малолетние лица боковой ветви рода. Достаточно вспомнить смерть объявленного наследником 4-летнего Петра Петровича (1715–1719) или кончину в 15 лет императора Петра II (1715–1730). Следствием династического кризиса начала XVIII в., вызванного отсутствием наследника-царевича у Петра Великого, стало изменение им закона о наследовании престола. По новому установлению 1722 г. правящее лицо единолично назначало своим преемником любого члена высочайшей фамилии независимо от пола, возраста и дальности родства<sup>3</sup>. В уходящем веке это петровское законодательство помогло преодолеть династические кризисы, преследовавшие Романовых в начале правления Анны Иоанновны (тогда несколько лет династия была представлена только двумя незамужними женщинами и девочкой-подростком), в начале правления Елизаветы Петровны (когда брак наследника почти десять лет был бездетен) и начале правления Екатерины II, когда семья Романовых 11 лет состояла только из самой императрицы и ее единственного наследника-ребенка Павла. Вызывало тревогу правящих особ и то, что сначала за границей подрастал маленький внук Петра Великого, на три четверти иноземец, герцог Карл Петр Голштейн-Готторпский (будущий Петр III), а затем в самой России жили в заключении потомки свергнутой правительницы Анны Леопольдовны (1718–1746). Будучи законными наследниками престола, они наполняли кошмарами сны Елизаветы, хотя было ясно, что полуодичавший от пребывания с младенчества в заключении император Иоанн Антонович (1740–1764) мог стать только знаменем в борьбе за трон группировок знати, но не более, так как править он был не способен. Немногим отличались от него и четверо других детей несчастной правительницы Анны, до почтенных лет жившие за тюремным холмогорским забором.

И вот в конце века династия стала благополучна. Плодовитая супруга Павла Петровича, примерная жена и мать Мария Федоровна произвела на свет десять сыновей и дочерей, обеспечив «кадрами» русский престол на полвека вперед. Девять из ее детей достигли взрослых лет, а двое сыновей, Александр и Николай, стали императорами и один за другим правили с 1801 до 1855 г. Кроме этого, в конце века сошла на нет угроза стабильности трону от лиц боковой ветви Романовых. Потомки царя Ивана Алексеевича опасности уже не представляли. И хотя двое из детей правительницы Анны Леопольдовны, отпущенных в Данию в 80-е гг., были еще живы<sup>4</sup>, игроками в борьбе за престол они не являлись. К тому же в 1798 г. Петр Антонович и в 1807 г., уже при Александре I, старшая Екатерина Антоновна тихо скончались, не оставив потомства.

МЕЖДИНАСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ. Благополучным в конце века дом Романовых был и в плане его пребывания в европейской венценосной элите. Замутненная в начале века браком Петра I с низкородной иноземкой Мартой Скавронской (Екатериной Алексеевной) честь Романовых под сомнение давно не ставилась. Жажда близости к трону обширного Российского государства заслонила петровский «сбой» в брачной политике. С 1720-х гг. с лицами русского правящего дома вступали в междинастические союзы представители старых княжеских домов Европы, и это решило вопрос чистоты голубой крови.

Сами Романовы строго следовали правилу, по которому официальные браки заключались только с лицами европейской правящей элиты. Мезальянсы, то есть браки императриц Елизаветы с А. Г. Разумовским и Екатерины II с Г. А. Потемкиным, публичными не являлись, как не предавалось огласке и появление в них детей. Последнее в конце века вообще стало столь «безобидно» для престола, что Павел I по-родственному опекал своего сводного брата А. Г. Бобринского (сына Г. Г. Орлова), подарив ему имения и титул.

В итоге междинастические браки, к которым правящая русская династия вернулась в начале XVIII в., прочно связали ее со многими европейскими домами. В правление Павла I родственные связи с ними выглядели следующим образом. Сам император Павел I по отцу состоял в родстве с Голштейн-Готторпским и шведским королевским домами, по матери — с немецкими Ангальт-Цербским и Шлезвиг-Голштинским. Великая княгиня и императрица Мария Федоровна, до принятия православия Доротея София Августа Луиза, была принцессой Вюртембергской и по матери была связана с Бранденбург-Шведтским и прусским королевским домами, а по более дальнему родству и с курляндским. Супруга цесаревича Александра Павловича, великая княгиня Елизавета Алексеевна, до принятия православия Луиза Мария Августа, являлась принцессой Баденской и по матери имела родственные связи с Гессен-Дармштадтским герцогством. Супруга великого князя Константина Павловича Анна Федоровна, в девичестве Юлия Генриетта Ульрика, была принцессой Саксен-Заальфельд-Кобургской, а по матери состояла в родстве с графами Рейс-Эберсдорфскими и герцогами Брауншвейг-Вольфенбюттельскими.

И хотя, вступая в брак, немецкие принцессы писали официальный отказ от претензий на политические и имущественные права относительно своих прежних фамилий (в России это правило действовало с середины XVIII в.)<sup>5</sup>, кровные связи были для великих княгинь живыми, что при возможности выражалось не только в переписке,

представлявшей собой обмен информацией о важнейших событиях жизни владетельных домов, выделении пенсионеров и пожаловании орденов немецким родственникам, но и в посещении ими России и длительном гостевании при русском дворе.

Все браки, заключенные Романовыми в середине и конце XVIII в., соответствовали нормам чести европейских правящих домов, круг которых был совершенно определенным. Краткие или полные именные списки особ европейской голубой крови от младенцев до преклонных лет вдовствующих особ регулярно публиковались в России с 1730-х гг. (их печатали «Придворные календари» или «Придворные месяцесловы», «Месяцесловы»). В правление Павла I, по «Придворному календарю на 1799 год», краткий список европейских правителей с супругами и наследниками включал 155 лиц, которые относились к 59 правящим домам (исключая лиц, занимавших два престола)<sup>6</sup>. При этом относительно Романовых и их европейских родственников в этом «родословном показании» был прописан полный состав фамилий. Русский императорский дом в это время состоял из 13 человек. Дом родственников Марии Федоровны — Вюртемберг-Штутгартский — включал 19 членов от 2 до 45 лет. Фамилия супруги наследника великой княгини Елизаветы Алексеевны, дом Баден-Бурлах и Баден-Баден, — 14 родственников от 4 до 72 лет, а фамилия великой княгини Анны Федоровны, дом Саксен-Заальфельд-Кобургский, — 12 особ от 11 до 75 лет<sup>7</sup>. Полный же перечень всех членов правящих домов Европы был куда больше. По данным «Месяцеслова» на 1776 г., он включал более 500 человек «ныне здравствующих и владеющих в Европе», относившихся к 67 домам (исключая совмещенные с ними 27 домов)<sup>8</sup>.

Таким образом, Романовы, как и их подданные, через публикации списков владетельных фамилий имели возможность видеть весь круг особ правящей европейской элиты и хорошо осознавали свое положение в нем. Существовало множество форм, фиксировавших принадлежность к правящему слою Европы, в том числе в области этикета и геральдики. К примеру, особым было обращение при переписке, в том числе известительной, о политических и «домашних» событиях — браках, рождении детей и смерти родственников. Павел I обращался в такого рода документах к французскому принцу Конде «мой кузин», к прусскому королю «мой брат», к шведскому — «мой брат и кузин», к неаполитанскому королю «мой дорогой брат и кузин» и т. д.<sup>9</sup>

Побочным следствием междинастических связей было стремительное онемечивание Романовых по крови. Уже Петр III, внук Петра Великого, был только на четверть русским, Павел I — только на  $\frac{1}{8}$ , а его

дети на  $\frac{1}{16}$ . Смешение русско-немецкой крови в Романовых могло как хорошо сочетаться с русским духом и русским самосознанием, отстаиванием интересов своей страны, так и порождать весьма неожиданные проявления европейского космополитизма. На протяжении XVIII в. это ярко проявилось, к примеру, в поведении цесаревны Анны Петровны, понявшей «всю мерзость своего народа», «голландца» Петра III, а с другой стороны, в характерах четко отстаивавших национальные интересы императриц Елизаветы Петровны и Екатерины Великой.

Двойственность была характерна и для воспитания и образования юных Романовых. В раннем детстве они имели русских и иностранных воспитателей, усваивали русский язык как родной и православную религию как обязательную для члена русского правящего дома, но при этом получали широкое европейское образование. Так, сам Павел четко знал правила, которых должен был придерживаться член его фамилии, и перечислил их в записке, адресованной юной невесте Марии Федоровне. Цесаревич Павел Петрович считал, что его супруга, принявшая православие, прежде всего должна «блюсти веру, то есть все, что относится к церковным обрядам», почитать ее величество (мать-императрицу) и далее, среди прочего, «уважать русский язык и другие знания касательно страны»<sup>10</sup>. Кроме этого, окружавшая детей жизнь двора, в котором доминировало русское общество, предполагала постоянную демонстрацию приверженности православной религии, являвшейся ключевым элементом национальной самоидентификации. Последнее, однако, не исключало того, что, по мнению одной из исследовательниц русского императорского двора, в XIX в. семья Романовых относилась к «космополитической» европейской аристократии, что накладывало отпечаток и на национальный состав и характер двора в целом: он был многонациональным<sup>11</sup>.

### Новое законодательство императорского дома

АКТ О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ. Абсолютная власть русского монарха, обладавшего правом издавать законы, определявшие жизнь подданных, распоряжаться государственной казной и цепко державшего в своих руках все назначения высших чинов Российского государства, основывалась на давних традициях и взглядах общества на необходимость для России самодержавия, абсолютной монархической формы правления. Ее обязательным компонентом было и династическое

наследование престола. При этом правила жизни высочайшей фамилии были изложены в законодательстве только частично. Касались они формы наследования престола, титулатуры и еще некоторых сторон жизни Романовых. Важным этапом в законодательном прописывании правил жизни императорской фамилии стало правление Павла I.

Вступив на престол, сын Екатерины Великой предпринял ряд шагов к юридическому оформлению положения правящей фамилии.

Первое, что изменил Павел I, получив власть, был закон о наследовании трона. Старый, действовавший со времени Петра Великого, его явно не устраивал. Еще будучи цесаревичем, отстраненным по достижении совершеннолетия от вступления на трон собственной матерью, Павел обдумывал изменение правил наследования. Устав о наследии престола Петра I от 5 февраля 1722 г. отменил принятое в Московском государстве наследование трона исключительно по мужской линии<sup>12</sup>. Принят он был в критической ситуации начала 1720-х гг., когда во второй семье монарха остались только супруга-императрица и три дочери-цесаревны. Тогда и было введено правило, по которому трон мог занимать любой представитель династии, в том числе и представительница слабого пола. Для этого требовалось только одно — персона должна была быть назначена правящим монархом. В Европе система, при которой право на престол распространялось на женщин, существовала в Англии, Дании, Нидерландах. Закон Петра I при решении вопроса о наследнике был подтвержден Анной Иоанновной ссылкой на него в Манифесте от 17 декабря 1731 г. о присяге наследнику престола. Как законное основание передачи власти, император Петр III упоминал назначение его наследником императрицей Елизаветой Петровной в своем Манифесте от 25 декабря 1761 г. о восшествии на престол. В форме клятвенного обещания от того же числа Петр III указывал на присягу по его высочайшей воле «избираемым и определяемым наследникам»<sup>13</sup>.

Впрочем, в эпоху дворцовых переворотов петровским законом не раз пренебрегали. Так, все правила нарушила, заняв трон, Екатерина Великая. Насильственно отстранив от престола законного императора-мужа Петра III, первоначально она выступала перед русским обществом как императрица, объявившая наследником своего малолетнего сына Павла Петровича. Однако, когда нелюбимый отпрыск вырос, трон ему передан не был. Сделать это в определенной мере позволял именно петровский закон, допускавший пребывание на престоле любого члена фамилии, в том числе женщины. Ущемленный в правах, униженный матерью цесаревич, именуемый за границей русским Гамлетом, вероятно, не раз обдумывал свое незавидное положение. Мысленно обра-

щаясь к законодательным нормам, существовавшим в Европе и в старом русском законодательстве, он составил, скрепил печатями и вместе с великой княгиней 4 января 1788 г. подписал некий акт о назначении наследника и принципах дальнейшего наследования престола. Этот плод умственных штудий цесаревича был создан при его отъезде в армию как завещание и по содержанию шел вразрез с законом Петра Великого. При действовавшей монархии документ, разумеется, не имел силы. Но при вступлении на престол Павел превратил свои законодательные мечты в реальность<sup>14</sup>.

5 апреля 1797 г. во время церемонии коронации императора при собрании всего русского общества в Успенском соборе Московского Кремля по указанию императора Павла I был зачитан новый «Акт о престолонаследии». Момент и форма его обнародования были выбраны изощренно точно и имели особый символический смысл. Законодательный документ был зачитан в присутствии всех высших государственных чинов и представителей регионов России и после этого демонстративно помещен в алтарь главного храма страны — Успенского собора. Став частью коронационных торжеств, акт получил особую сакральность и, судя по мемуарам современников, хорошо запомнился присутствовавшим на церемонии<sup>15</sup>.

Акт о престолонаследии, датированный 5 апреля 1797 г., декларировался как общий императора и императрицы Марии Федоровны и принятый их «добровольным и взаимным согласием». То есть не перечившая супругу Мария Федоровна отказывалась от самостоятельного пребывания на престоле и возможности следовать путем Екатерины II, занявшей трон после низложенного ею супруга.

Содержание Акта Павла I было основано также на принятых в Европе нормах, но не на французской (салический закон, при котором престол наследуют члены династии по нисходящей мужской линии) или английской (распространяла право первородства на женщин), а на австрийской системе наследования. Именуемая полусалической, она если и допускала на престол дам, то только после пресечения мужского потомства. В силу этого документ Павла сводился к нескольким положениям.

Во-первых, «по любви к отечеству» и «по праву естественному» император объявлял в документе об избрании наследником «большого» сына Александра. Далее он декларировал назначение наследниками лиц мужского рода по первородству, то есть сначала «мужское поколение» старшего сына Александра, в случае его пресечения — следующего сына Константина и т. д., а затем по старшинству сыновей царствующего

наследника. Женщины также могли занять престол, но только при отсутствии в роду мужчин. В этом случае трон переходил к ближайшей родственнице последнего царствующего представителя рода. Акт прямо подчеркивал, что при определении наследника «мужское лицо предпочитается женскому» (меньшой брат наследует прежде старших сестер) и переход всегда делается от старшего к младшему (и от старшей к младшей). Эти ключевые правила передачи трона Павел подкрепил объяснением причин их выбора: «Дабы государство не было без наследника. Дабы наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать. Дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного и избежав затруднений при переходе из рода в род».

Дополнением к перечисленным положениям стали правила занятия русского престола дамой замужней или занимающей какой-либо заграничный престол. Они делали обязательным отречение этой особы и ее наследника от чужого престола и принятие ими православия, так как российский государь являлся и главой церкви. Если же отречение от прежней веры произведено не будет, то трон переходил к следующему лицу, которое «ближе по порядку».

При выходе замуж императрицы ее супруг не становился российским государем, получая преимущества и почести, равные супругам государей (кроме титула). Женитьба в высочайшем семействе без позволения императора не признавалась законной.

Подробнейшим образом в Акте прописывалась близкая самому Павлу ситуация с малолетним наследником и возрастом его совершеннолетия. Для порядка и безопасности государства предусматривалось учреждение правительства и опеки (из числа родственников, кроме отчима и мачехи, особ вдовствующих, вступающих в брак и безумных). В 16 лет наследник становился совершеннолетним и вступал в свои права. При правителе с этого времени должен был быть совет из шести лиц первых двух классов, которые назначались по выбору правителя. Остальным членам фамилии устанавливался более высокий 20-летний возраст совершеннолетия. Завершался документ сентенцией о «сильнейшей» любви к отечеству, детям и потомкам.

Положения Акта, объяснявшие многочисленные варианты наследования трона, показывают, что они были плодом долгих раздумий и сложных чувств Павла-наследника, не допущенного матерью до престола в молодые годы. Ссылка же на нарушение «естественного права» могла отражать ситуацию, когда мать-императрица решила обойти собственного сына в наследовании трона, передав его внуку Александру.

Учитывал Акт и коллизии борьбы за престол уходящего XVIII в., и особенности его женских правлений. В этом плане законодательный акт был своеобразной мстью покойной Екатерине Великой. Во многих его статьях красноречиво указывалось, что женщинам не место на троне и только при полном отсутствии в роду мужчин августейшие дамы могут быть допущены до власти. Учитывал монарх и необходимость упредить грядущие раздоры среди своих многочисленных детей — трех сыновей и пяти дочерей, которые вполне могли уподобиться своим предшественникам. Наконец, важным положением Акта было подтверждение обязательности пребывания в православии лица, занимавшего русский трон.

**УЧРЕЖДЕНИЕ ОБ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ.** В тот же день, 5 апреля, Павел утвердил второй законодательный акт, обнародованный четыре месяца спустя, — Учреждение об императорской фамилии (учреждение — положение, закон. — *Авт.*), которое включало положения о новом дворцовом подразделении — Департаменте уделов и его штате и устанавливало новые многочисленные нормы о положении венценосной фамилии<sup>16</sup>. Под актом стояла подпись — Павел, а по листам документ был заверен подписью «граф Александр Безбородко», что, вероятно, указывало на его авторство. Несмотря на явно личностный подтекст, подтвержденные Павлом I Акт о престолонаследии и Учреждение об императорской фамилии оказались удивительно сбалансированными и «правильными», в силу чего действовали вплоть до новой редакции Учреждения при Александре III в 1886 г.<sup>17</sup>, а в большинстве положений и до конца монархической истории России, до 1917 г.

Опубликованное в августе 1797 г. в виде брошюры из 98 страниц Учреждение об императорской фамилии имело оглавление и 8 отделений, в которых были выделены 208 параграфов. В этом нормативном акте было соединено несоединимое. После краткого введения с фразой о долге Павла учредить для благоденствия государства все относящееся до императорской фамилии документы открыли и завершили главы-отделения об уделах и новом удельном ведомстве с подробнейшим описанием его структур, и в дополнение к ним были присоединены подтвержденные штаты Департамента уделов и удельной экспедиции. Таким образом, собственно законодательство о статусе каждого из Романовых, их геральдическом сопровождении и обеспечении — отделения 2, 3, 4 и 5-е, имевшие самостоятельный характер, удивительным образом оказались помещены между отделениями об удельном хозяйстве.

Начиналось рассмотрение Учреждение об императорской фамилии с описания во 2-м отделении нового четкого порядка счета родства детей от правящего государя. Среди высочайших отпрысков выделялись «первороденный», то есть старший сын императора, «младшие», то есть все остальные его дети, и далее — «младшие поколения». Все сыновья и их дети после рождения получали титул и пенсию по степени родства с императором.

Установленному делению соответствовало именование высочайших особ, делившихся на две категории — наследники и сыновья императора. Право на занятие престола имели старший сын и все «старшие старшего поколения», то есть происходящие от наследника сыновья по их старшинству (старший сын, затем старший сын старшего сына и так далее). Эти особы считались наследниками престола и назывались «государевы дети». Братья старшего сына-наследника являлись просто «сыновьями монарха» и «не смешивались» (не меняли своего статуса) с лицами такой же степени родства при последующих правящих императорах; соответственно, их материальное содержание также не менялось.

Далее в Учреждении пояснялось, что, по указанным положениям, в отличие от старшего Александра, второй сын Константин получал титул только сына императора, а его дети — имя внучат императора без различия старшего и младших. Далее все поколения Константина считались по родству с его отцом-императором. Александр, старший сын императора Павла I, почитался наследником и имел соответствующее содержание, его старший сын также должен будет считаться наследником и наследовать преимущества отца. Второй сын и прочие сыновья Александра, то есть внучата правящего монарха Павла I, станут равны сыну Константину. И так далее.

Женские особы, родившиеся от мужчин дома Романовых, в титулах, пенсиях и приданом будут подчиняться предписаниям мужского пола и считаться дочерьми императора, внучками и т. д. От них будут «совершенно отличаться» дети, родившиеся от женщин дома Романовых (от дочерей императора, внучек и т. д.). Они не будут вести счета родства с русским императором, а будут пользоваться правами только по родству со своими отцами (европейскими князьями, королевскими высочествами и т. п.). Эти родственники Романовых не будут иметь права ничего требовать от Русского государства (от его казны) и Департамента уделов.

Для устранения возможных неясностей в родственных связях по Учреждению император должен вести родословную своей фамилии, внося в нее новорожденных и отмечая умерших родственников. Сведения этого документа должны были исключить «несогласия или

заблуждения» относительно возраста и преимущества или «замешательства» между поколениями Романовых.

В нескольких параграфах Учреждение описывало права главы дома, которому полагалось от своего семейства «совершенное почтение, послушание и подданство и который сам имел «попечение» над всеми, конфирмовал духовные (завещания), давал согласие на браки и в случае смерти родственников опекал их наследников.

Учреждение четко установило возраст совершеннолетия лиц правящего дома, которое наступало в 20 лет или ранее при заключении брака, тем самым повысив его относительно нормы допетровской, когда старший царевич становился «объявленным» царевичем-наследником в 15 лет. Как правящее лицо Павел назначал несовершеннолетним Романовым опекунов (до совершеннолетия), а затем с 20 до 25 лет попечителя. Только в совете с последним взрослые высочайшие особы могли управлять своими имениями, продавать и закладывать их. Совершеннолетие, как устанавливал документ, объявлялось торжественно, после чего следовала присяга в верности «царствующему», отечеству и... соблюдению «фамильного распорядка». Текст присяги подписывался и отправлялся на хранение в Государственный архив.

3-е отделение Учреждения было посвящено знаковому геральдическому сопровождению членов правящего дома, их титулам, местам в церемониях, гербам и «либерее». При этом титулы императора и императрицы были государственным установлением, поэтому в Учреждении уточнялись титулы только других членов императорской фамилии, которые были трех видов.

Первый титул принадлежал объявленному наследнику престола и выглядел следующим образом: «наследник, цесаревич, великий князь и императорское высочество». Иметь наименования «наследник» и «цесаревич» было исключительным правом только одного лица, назначенного к наследованию престола. Ранее введенный при Петре I титул цесаревича/цесаревны относился ко всем детям императора и был присвоен всем дочерям монарха (сыновей в это время у Петра I не было)<sup>18</sup>. В дальнейшем титул жаловался наследнику, который был единственным представителем следующего поколения (сначала великий князь Петр Федорович, а затем великий князь Павел Петрович). Второй титул — «великий князь и императорское высочество» — присваивался остальным сыновьям, дочерям, внукам (внучкам), правнукам (правнучкам), праправнукам (праправнучкам). Третий — «высочество» и «князь и княжна императорской крови», то есть без определения «великий(ая)», но с добавлением «императорской крови», — принадлежал

# Глава VI. Светлые и печальные торжества дома Романовых

## Протокольная придворная жизнь

СЛУЖБА ПРИДВОРНОГО ЧЕЛОВЕКА. Когда-то Екатерина Великая говорила, что быть придворным — тяжелая работа. В самом деле, в XVIII в. быть при дворе («иметь приезд ко двору») означало постоянную трату многих и многих часов на пребывание в стенах дворца. Посещение его лицами, получающими приглашения-повестки на придворные мероприятия, доходило до 4–5 раз в неделю, включая воскресные и праздничные дни, причем нередко в один день как в утренние (с 9–10 часов), так и в вечерние часы (с 5–6 часов пополудни и до ночи).

Таким образом, помимо государственной службы, придворным лицам предписывалось немалое время находиться в обществе и при этом быть в парадном, положенном по протоколу виде, то есть в дорогой одежде, с хорошими прическами, при драгоценных украшениях, с дорогим экипажем и слугами, но главное — быть готовыми к любезному общению, соблюдению различных этикетных мелочей, участию в церемониях поздравлений, застольях, танцах и пр. От допущенного во дворец лица требовалось выстаивать воскресные и иные праздничные службы в придворных церквях, быть участником или зрителем многочисленных шествий и церемоний. Таким образом, престижная роль придворного человека была хлопотной, поглощала много времени и денег. По сути, она представляла собой второй род службы, так как большинство участников придворной жизни занимали высокие государственные посты и состояли в чинах по Табели о рангах. Другую, меньшую часть придворных составляли праздные представители знатных семей, обладатели титулов и крупных состояний.

Главным лицом и непременным участником практически всех официальных придворных собраний был сам император. Он не только

исполнял свою роль монарха перед подданными, но и определял весь строй придворной жизни, рассматривал и утверждал церемониалы и повестки придворных торжеств, состав участвующих в них персон.

Придворное общение начиналось с приглашения во дворец, которое имело свои правила. Как и при предшественниках Павла I, в его правление в протокольных придворных мероприятиях участвовали не те лица, которые «нравились» правящей особе, а чины с их «фамилиями» строго по Табели о рангах. Поэтому если императору требовалось присутствие при дворе какой-либо персоны, то она просто жаловалась в нужный чин. Приглашались во дворец по формальному признаку особы от 1–2-го до 1–5-го рангов и реже более низких классов, как мужского, так и женского пола. Лицо, достигшее по служебной лестнице определенного чина, автоматически вместе с его фамилией получало допуск во дворец. С этой точки зрения, большинство придворных протокольных мероприятий являлось для чиновных лиц одним из показателей их престижного положения в обществе и видом поощрения за успешную государеву службу.

Иной принцип приглашения, корпоративный, действовал при допуске на придворные театральные представления и так называемые публичные маскарады. Присутствовать на них могло все столичное дворянство или дворянство и «купечество». В «купечество» в данном случае входили знатные российские и иностранные купцы, фабриканты, разночинные чиновники, служители среднего звена дворцового ведомства, высокооплачиваемые русские и иностранные специалисты — архитекторы, садовые мастера и прочие. В загородных резиденциях увеселения могли проводиться менее торжественно, с приглашением живших там придворных особ и прибывших самостоятельно из Петербурга чинов.

Решение о проведении придворных собраний принимал император. Затем три инстанции — Придворная контора, Иностранная коллегия и петербургская полиция — делали приглашения повестками, соответственно, придворных дам и кавалеров, дипломатов и всех чинов нужных классов, находившихся в этот момент в Петербурге (именно полиция хорошо знала, кто присутствует в городе и где проживает). От двора оповещение делали специальные повесточные лакеи. От Церемониальной части к дипломатам ездили чиновники по рангам самих дипломатов (посол имел 1-й ранг, посланники и другие «министры» — 2-й).

ПРИДВОРНОЕ ОБЩЕНИЕ. Бесконечная череда придворных праздников, служб и увеселений обеспечивала постоянное общение столичной элиты и высочайшей фамилии, что было важным для обеих сторон.

Для императора и членов его фамилии официальная придворная жизнь позволяла общаться с кругом высших чиновников Российской империи, знатных лиц и их семьями, с которыми Романовы не соприкасались в своей деятельности по государственному управлению или благотворительности. Здесь же высочайшие особы могли встречаться с дипломатическим корпусом, поддерживая личные беседы и делая иные жесты расположения к представителям других государств.

С другой стороны, общение в императорских резиденциях имело необычайно большое значение для приглашенных представителей русского общества. При проведении протокольных собраний на допущенных во дворец персон оказывалось непрерывное эмоциональное и идеологическое воздействие, ведь, наблюдая за императором и его ближайшим окружением, в том числе первыми лицами страны, придворные раз за разом ощущали свою причастность к текущей государственной жизни, включенность в современные политические события и, разумеется, испытывали чувства собственной значимости, успешности, ценности своей службы, социального происхождения и положения. При этом за счет этикетных норм, четко фиксировавших место каждого лица в иерархии чинов и классов, тщеславие придворных оказывалось неразрывно связано с государственной чиновной организацией, с Табелью о рангах.

Центром внимания и персоной, вызывавшей обостренные чувства у посещавших дворец лиц, разумеется, был монарх. При этом раболепное почтение перед главой государства смешивалось с критическими оценками его персоны. Первое лицо в глазах общества должно было обладать исключительными качествами, что на деле прозаически не соответствовало ожиданиям и обычным требованиям к повелителю обширной империи. Тем не менее механизм придворной протокольной жизни и понимание значения власти сглаживали это противоречие и обеспечивали систему хотя бы зрительных или этикетно-вербальных формальных контактов между монархом и слоем высших управленцев страны.

Для подданных важным знаком статуса лица было и само приглашение повестками во дворец, делавшееся строго по рангам главам фамилий, и нахождение во дворце среди таких же «допущенных» лиц, имевших право непосредственно видеть членов правящего дома и наблюдать за церемониальными государственными актами. И хотя, как правило, приглашенные были зрителями, а не участниками общения с высочайшей семьей, само по себе это создавало ощущение причастности к верхушке власти, утверждало понимание своей «включенности» в корпорацию высших кругов государства, способствовало осознанию

своего места в социальной иерархии, выстроенной по классам Табели о рангах. Примечательно, что это усвоение собственного социального статуса оказывалось связанным и с эстетическим удовольствием, получаемым от инструментальной и вокальной музыки, танцев, театральных представлений, пребывания в роскошно убранных покоях великолепных по архитектуре дворцов.

Важную роль государственные придворные праздники и «легкомысленные» собрания для развлечений играли и в формировании связей внутри самой правительственной и столичной дворянской среды. Регулярное неформальное корпоративное общение укрепляло самосознание этого слоя лиц, способствовало складыванию у посещавших дворец единых представлений о социальном и политическом устройстве общества, общих вкусов в области культуры, норм поведения, образовательного ценза и многого другого.

Не последнюю роль в формировании придворного общества, чувства единства и иерархичности посещавших двор персон играла знаковая среда двора. К ней относились предписанное протоколом платье и форменная одежда членов правящего дома, чинов, в том числе придворных дам и кавалеров, воинской охраны, статусные аксессуары и элементы одежды (короны, шлейфы и пр.). Особые смыслы несло дворцовое пространство, которое было маркировано декоративными элементами с государственной символикой и рядом составлявших ее предметов — тронами и балдахинами, гербами, знаменами, украшавшими столы орденскими сервизами и прочим. Наконец, особую роль в воздействии на лиц двора играли закрепленные этикетом за парадными помещениями социальные смыслы (внешне, к примеру, выражались в допуске или запрете посещения).

Общение при дворе происходило и по вертикали между социальными стратами, от монарха до верхнего слоя купечества, и по горизонтали, между равными по статусу группами, то есть было корпоративным, создававшим единство разноликого придворного общества или его отдельных групп. Так как частью придворного общества были представители других стран и частью придворных церемониалов — дипломатические, то общение при дворе было направлено еще и на восприятие внешнего мира. Двор регулярно становился зрительской аудиторией или частью декораций театра межгосударственных отношений, разного рода аудиенций, актов и публичных контактов Романовых с членами коронованных домов Европы.

Таким образом, общение на собраниях двора имело много аспектов и было многоуровневым в социальном плане. Происходило оно

в разных формах и в большинстве случаев было церемониальным, предписывавшим участникам действий соблюдение правил придворного этикета и выполнение отведенных им ролей.

Вступив на трон, Павел, как и все его предшественники, активно реформировал публичную жизнь двора, унаследованную от блестящих правлений Елизаветы Петровны и Екатерины Великой. Выстраивая собственный стиль отношений с придворным обществом, представителями своих подданных и дипломатическим миром, он в разной степени менял состав и форму протокольных собраний и празднеств. Рассмотрение последних можно начать с проведенной Павлом I императорской коронации, являвшейся самым значимым торжеством как по разнообразию социального состава участников, так и по сакральному смыслу его обрядов и церемоний.

### Коронация Павла I

**ЦЕРЕМОНИАЛ.** На рубеже XVIII–XIX вв. коронационное церемониальное действие объединяло всю страну и в глазах людей того времени придавало священный характер власти главы государства, показывало ее легитимность, дарованную Богом. Благодаря этому необходимость проведения коронации сомнению не подвергалась. Взойдя на престол в ноябре 1796 г., Павел I совершил обряд коронации всего через пять месяцев, в апреле 1797 г., а объявление о ней сделал Манифестом 18 декабря 1796 г.<sup>1</sup>

По форме коронация Павла стала продолжением имперских коронационных торжеств XVIII в., основы которого были заложены в 1724 г. при коронации Екатерины I. Тогда помимо старомосковских обрядов венчания на царство в торжество были включены новый европеизированный набор регалий и европейская одежда, новый состав зрителей, придворных чинов и ливрейных служителей, порядок коронационного пира, поздравительных аудиенций, увеселений и прочего. При последующих коронациях этот праздничный цикл дополнили коронационный въезд в Москву (1728), пышное объявление о предстоящем торжестве и публикация коронационных альбомов (1730) и новые предметы в комплексе коронационных регалий и символических вещей (1728, 1730, 1742 и 1762).

Общая схема торжеств 1797 г., унаследованная от коронаций XVIII в., условно распадалась на пять частей, каждая из которых представляла собой сложное действие с более мелкими подчастями и цере-

мониальными инвариантными формами. Часть первая включала издание Манифеста, всенародное объявление в Москве о предстоящей коронации и ее подготовку, в том числе открытие деятельности Коронационной комиссии. Второй частью был коронационный въезд монарха в Москву. Третьей — главные сакрально-обрядовые действия в Кремле, утром это были шествие под балдахин с Красного крыльца, коронование и миропомазание нового монарха в Успенском соборе, а во второй половине дня действия светские, состоявшие из объявления милостей, пира в Грановитой палате и иллюминации. Проводимое в этот день народное угощение было перенесено в четвертую часть торжества, которая включала церемонии поздравления монарха в Кремлевском дворце и различные увеселения. Пятая состояла в окончании дел Коронационной комиссии. Указанная схема торжества, сохраняя традиционную обрядово-церемониальную основу, была наполнена элементами, которые отражали взгляды и вкусы нового главы государства Павла I.

Первым действием монарха при подготовке торжества было повеление обер-церемониймейстеру П. С. Валуеву написать церемониал коронации. Проект его светской части был создан и опробован 18 декабря, в день обнародования Манифеста<sup>2</sup>. Церковную часть несколько позднее по традиции подготовили митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил и другие члены Синода. Ее проект был предложен 21 января и заслушан 9 марта 1797 г. В отличие от общего описания коронации, эта часть церемониала была опубликована специальной брошюрой<sup>3</sup>.

Временная Коронационная комиссия, готовившая коронацию, была создана высочайшим указом 13 декабря 1796 г.<sup>4</sup> Ее главой, верховным маршалом коронации, был поставлен действительный тайный советник, сенатор и кавалер князь Николай Борисович Юсупов. Глава Мануфактур-коллегии спустя несколько дней был назначен и главой Театральной дирекции. Знатность, чины и любовь князя к живописи и театру позволили ему с успехом выполнить порученное, обращаясь в любые государственные инстанции. В комиссию также вошел московский военный губернатор, генерал-лейтенант Иван Петрович Архаров и член Императорского кабинета, опытный администратор, действительный статский советник Н. М. Карадыкин. 11 марта 1797 г. к этим лицам был присоединен обер-церемониймейстер П. С. Валуев, назначенный верховным церемониймейстером коронования<sup>5</sup>. При подготовке торжества комиссия активно обращалась к описаниям и делам прежних коронаций 1730, 1742 и 1762 гг.<sup>6</sup>, но, разумеется, учитывала и пожелания Павла I. В результате его склад мышления и непростой характер ярко отразились на форме проведения торжеств.



ВРЕМЯ ТОРЖЕСТВ. Первое, что воплотило воззрения императора и стало отличительной чертой коронационных торжеств 1797 г., — это время, которое по высочайшей воле было для них избрано. Даты коронаций XVIII в. с главными христианскими праздниками и временем постов никогда не совпадали. Павел же напрямую соотнес свое личное торжество с событиями церковного календаря<sup>7</sup>.

Обнародование Манифеста о коронации император назначил на день погребения Екатерины II, 18 декабря. После прибытия 15 марта в Москву в праздник Благовещения, 25 марта, в Москве было устроена церемония объявления о дне коронации, то есть благая весть о предстоящем рождении Христа явственно связывалась с вестью о назначенном священном коронации. Объявление проводили трижды (символическое число Святой Троицы), с повторением 26 и 29 марта, в Вербное воскресенье. Накануне последнего объявления, в субботу 28 марта, в канун праздника входа Господня в Иерусалим, был устроен публичный въезд императора в столицу. Вероятно, въехать в Вербное воскресенье Павел Петрович не решился.

Поразительным фактом было то, что свою коронацию Павел назначил на Светлое Христово Воскресение — 5 апреля 1797 г. Сделано это было нарочито, и современники совершенно верно «прочли» смысл даты. Граф Ф. Г. Головкин в своих воспоминаниях писал, что «коронация имеет важное значение для государя» и что в день Пасхи «помазанник должен был появиться на троне в то же время, как Господь появляется на престоле. Павел льстил себя надеждой приобрести благодаря этому в глазах своего народа сугубое [двойное] освящение»<sup>8</sup>. Таким образом, свое воцарение Павел понимал как наступление нового периода в жизни православных подданных. О том же сообщал и другой мемуарист, писавший, что император Павел избрал днем коронации Светлое Воскресение для того, чтобы продемонстрировать своему народу, что «Христовы обстоятельства были оригиналом его намерений»<sup>9</sup>. Примечательно, что Павла поддерживали и иерархи. Так, во время въезда у портика Успенского собора митрополит Московский Платон приветствовал Павла словами, адресованными Христу: «Благословен грядый во имя Господне»<sup>10</sup>.

Следствием избранной даты было то, что основная праздничная неделя после коронации с поздравительными аудиенциями и увеселениями совпала со Святой неделей. После коронации Павел Петрович пробыл в Кремле почти в два раза дольше, чем другие коронуемые особы. Только 15 апреля высочайшая фамилия переехала на Язу и продолжила увеселения в Слободском дворце. При этом с 26 по 29 апреля

император вновь находился в Кремлевском дворце. 2 мая начался отъезд высочайшей фамилии из Москвы. Таким образом, церковный календарь был использован Павлом для дополнительной символической трактовки церемониального события.

Столь же ярко особенности личности Павла I отразились на некоторых священных обрядовых формах коронации и увеселениях.

ЦЕРЕМОНИАЛЬНАЯ СТОРОНА ПРАЗДНЕСТВА. Из Петербурга в Москву Павел I и Мария Федоровна выехали в Великий пост 10 марта и 5 дней спустя прибыли в подвездной Петровский дворец. За ними с разницей в один-два дня следовали остальные Романовы. Торжественный межстоличный переезд проходил через Чудово, Новгород, Валдай, Вышний Волочек, Торжок, Тверь и Клин и сопровождался остановками в путевых дворцах, встречами с местным дворянством, духовенством и купечеством, поднесением хлеба-соли и осмотром некоторых достопримечательностей<sup>11</sup>. В подмосковном Петровском дворце высоких гостей приветствовали Синод и духовенство Первопрестольной, члены Совета, Сената, чины 1–3-го классов и дамы.

Во время проживания в Петровском дворце, несмотря на то, что шел Великий пост, члены императорской фамилии ежедневно принимали посетителей, устраивали обеды, куртаги (без музыки), посещали в праздничные дни московские храмы, а также богоугодные места — госпитали, богадельню, Московский воспитательный и Инвалидный дома. Император милостиво принимал от делегаций купцов, ямщиков и отдельных частных лиц образа, хлеб-соль и другие дары, вплоть до «вырезанного из пастилы монумента».

25, 26 и 29 марта торжественно прошло объявление о коронации. По улицам Москвы в сопровождении двух эскадронов Конной гвардии с 12 трубачами и барабанщиками ездили генерал-лейтенант Архаров меньшей, обер-церемониймейстер, 2 герольдмейстера, 4 церемониймейстера и зачитывавшие текст 2 секретаря Сената. 29 марта два церемониймейстера сделали особое извещение иностранным послам и министрам<sup>12</sup>.

28 марта в канун Вербного воскресенья состоялся пышный коронационный въезд<sup>13</sup>. Маршрут императорского поезда пролегал от Петровского дворца через Триумфальные ворота у Земляного города (все триумфальные арки имели «приличное украшение»), Тверские ворота Белого города, далее по Тверской к Воскресенским воротам на Красную площадь, через Никольскую башню (Никольские ворота) в Кремль, потом, после посещения соборов, обратно по Красной площади через вторые Никольские ворота на улице Никольской, через Мясницкие ворота